

1898 год
17 октября – 27 октября
СЕАНС ПЕРВЫЙ

Если в кружке есть признанный медиум, его должны посадить лицом к югу или к северу. По обеим сторонам его садятся отрицательные пассивные личности, а положительные, деятельные натуры — на противоположном конце стола. Заметьте раз и навсегда, что если кто остается в комнате вне кружка, он никак не должен сидеть позади медиума, чтобы не отвлекать к себе токов. Не должны садиться за стол больные, это вредно для них и для опыта.

Прибытков В. И.
Легенда старинного замка. Не быль и не сказка.
СПб.: Типография Димакова, 1883.
Издание редакции журнала «Ребус»

26 июня 1897 года¹

• 1 •

Жара, всему виной жара проклятая. Такая уж атмосферная несуразность случилась нынешним летом, что мозги кипят, вот и чудят люди. Нет чтобы съехать на дачу в прохладу и тенек, где самовар в саду и малинка в кустах, прелесть и благодать, так ведь сидят в городе. Столица — гранитный мешок. Не жизнь, а печка.

Пристав Вильчевский оттянул воротник мундира, стараясь подпустить к разгоряченной груди легкий ветерок, что шевельнул тюль распахнутого окна. Даже в час вечерний, когда сползли сумерки белой ночи, дышать в помещении тяжело. А исполнять служебный долг тем более. Хотя исполнять, собственно, нечего. Проторчал час в духоте. Ради чего, спрашивается...

— Что ж, господа, обстоятельства очевидны, прошу простить за беспокойство... Служба такая... Примите мои соболезнования...

¹ Все даты даны по старому стилю.

Вильчевский сильно жалел, что проявил усердие. Чем нарушил неписанный закон полицейской службы: не торопись и не старайся — в дураки не попадешь. Отправил бы Можейко, помощник бумагу бы составил, и делу конец. Так ведь смутил городской. Прибежал, доложил: произошло убийство. Обстоятельств не знает, послан товарищем с ближайшего поста. Господина пристава просили явиться лично. А не явиться нельзя: беда стряслась не где-нибудь, в «Версале».

Дом, заслуживший звонкую кличку, на участке пристава был один из значительных. Громада на берегу Екатерининского канала, красавец в пять этажей, с колоннами, римские статуи по фронтону, атланты, просторные эркеры, на углах круглые башни, увенчанные покатыми луковками крыш. Не уступает дворцу или королевской резиденции. Господа, снимавшие здесь квартиры, были исключительно состоятельными. Не то что в муравейнике доходного дома, в котором каморку снимет и студент, и рабочий, и коллежский регистратор¹. Происшествие в «Версале» нельзя оставить без личного внимания пристава. Мало ли что...

Дом роскошный от дома полицейского располагался поблизости. Добравшись быстрым шагом за десять минут, Вильчевский поднялся по широкой лестнице и вошел в квартиру, занимавшую половину третьего эта-

¹ Нижний, XIV, чин для чиновников в Табели о рангах Российской империи.

жа. Появление его не вызвало переполох или панику у господ, собравшихся в гостиной. А вызвало удивление. Если не сказать — брезгливое недоумение.

В свой черед Вильчевскому было чему удивиться.

Середину просторной гостиной занимал круглый стол. Вместо скатерти, тарелок, закусок, бутылок и блюд, какими должно радовать гостеприимство, на голый столешнице лежал лист с алфавитом, написанным в правильный круг, над которым торчал огарок свечи. Множество стульев — Вильчевский машинально сосчитал десяток — в беспорядке располагались вокруг стола. Как будто гости встали в большой спешке. Только на одном восседала дама. Руки ее безвольно болтались, шея опиралась на резной подголовник так, что лицо развернулось к потолку. Открытые глаза были спокойны и пусты. Стрелки седин выдавали возраст. Хотя и не старуха.

Господа собрались около высокого сухопарого мужчины, который прикрыл лицо ладонью, не замечая утешений. Взгляды обратились на полицейского. Пристав испытал давно забытое чувство неловкости, будто ненароком заглянул в дамскую комнату. Кашлянув, чтобы согнать смущение, принял официальный вид.

— Прошу простить, господа. В участок донесли о... — Вильчевский запнулся, не желая произносить «убийство», — происшествии. Что случилось?

К нему направился невысокий господин с аккуратной седой бородкой и мягким, домашним лицом. Несмо-

тря на флотский мундир и погоны капитана первого ранга.

— В чем дело, подполковник? — обратился он, глянув на плечи пристава. — Каким образом вы здесь оказались?

— Господин капитан, пришло известие об убийстве, — ответил пристав, выпрямив спину, чем выказал почтение старшему по званию. Хотя и в отставке. Причем давненько. Вильчевский понял по манере разговора, в которой командные нотки подернулись паутиной штатской жизни.

— Убийство? Да что вы такое говорите... Произошло несчастье... Серафима Павловна скончалась... Горничную послали за санитарной каретой, а она в полицию побежала... Какая глупость... Полиции здесь нечего делать.

Следовательно, личность дамы, застывшей на стуле, установлена.

— С кем имею честь? — спросил пристав, прикидывая, годится капитан во вдовцы или не очень.

— Виктор Иванович Прибытков, вышел в отставку десять лет назад.

— Это ваша квартира?

Прибытков указал на печального господина в окружении друзей.

— Здесь проживает наш дорогой, высокоуважаемый Иона Денисович Иртемьев, — сказал он с таким почтением, будто речь шла о лице королевской крови.

Фамилия была знакома приставу по списку проживающих в участке. Чем занимается господин Иртемьев, Вильчевскому не было известно. Судя по квартире, господин состоятельный. Наверняка из чиновников, успешно вышел в отставку с капитальцем. На купца или фабриканта не похож. Хотя, может, и банкир...

— Иона Денисович потерял супругу, нашу милую Серафиму Павловну, — продолжил Прибытков. — Как беспощадна смерть. Забирает без предупреждения... Я, как никто, понимаю и разделяю его горе... Три года назад у меня...

— Значит, мадам Иртемьева — жертва убийства, — перебил Вильчевский, не желая слушать излияния.

Прибытков печально улыбнулся.

— Подполковник, о чем вы говорите, ну при чем тут убийство?

— А что же?

— Неизбежный финал долгой болезни. — Прибытков обернулся. — Мессель Викентьевич, будьте добры, присоединяйтесь к нам...

Господин среднего роста, с круглым лицом, окаймленным короткой бородкой, и крупными, навывкате глазами, казался слишком энергичным. Будто в жилах у него бурлит электрический ток. Прибытков представил его доктором Погорельским.

— Друг мой, поясните приставу, что случилось. А то ему привиделось убийство...

Доктор только плечами пожал.

— Тривиальный сердечный приступ. У Серафимы Павловны большое сердце... К сожалению, поздно заметили, помочь было нельзя.

Вильчевский слабо разбирался в подробностях врачебной науки. Все, что не касалось боевых ранений, было для него туманным. Даже его скудных знаний хватило, чтобы задаться вопросом: когда сердечный приступ, человек просит о помощи. Как можно не заметить среди такого сборища, что мадам Иртемьевой стало плохо?

Мучиться сомнениями пристав не умел, рубанул напрямик:

— Чем тут занимались, что не заметили, как дама умерла?

Прибытков с Погорельским переглянулись, будто общники.

— Господин Иртемьев на днях вернулся из Парижа, где два года изучал различные дисциплины, связанные с важнейшими научными вопросами современности, — ответил Прибытков. — Собрал нас, чтобы рассказать об удивительных опытах, свидетелем и участником которых был...

Устраивать просветительские чтения на частных квартирах полиция не запрещала. Если просвещали насчет физики, химии, стихов и прочей ботаники. Не касаясь политических вопросов, социального неравенства или того хуже — марксизма. Все равно Вильчевский не понимал, как могла Иртемьева незаметно умереть. И проявил в этом настойчивость:

— Мадам стало плохо, никто не заметил. Вот, значит, как... Что за научная лекция такая интересная?

— Несчастье случилось после лекции, — ответил Прибытков.

Приставу не нравились уклончивые ответы. Полиция их вообще не терпит.

— Прошу держаться фактов.

— Виктор Иванович, не таитесь, — потребовал Погорельский. — Пристав, чего доброго, решит, что у нас тут заговор...

Замечание было верным. Господа, конечно, благородные и состоятельные, но убивать никому не позволено. Как утверждал Закон, а пристав с ним соглашался. Недомолвки только укрепляли желание разобраться до конца.

— У нашего кружка проходил спиритический сеанс, — сказал Прибытков с таким значением, будто признался в главном, а подробности — пустяк.

Вильчевский слышал о моде, которая вернулась в Петербург: вертеть столы и задавать вопросы духу Пушкина. С армейской прямоотой он считал, что подобная дурь пристала незамужним барышням, которые пугают друг дружку по ночам загробным воем. С замужеством мистическая дурь слетала как пыль. Но ведь тут собрались не только барышни и дамы, что утешали Иртемьева, а солидные с виду господа: доктор и капитан в отставке. Чем только у людей голова забита... Все от жары...

— Собрание, значит, устроили... А позволение имеется?

— К вашему сведению, господин пристав, четыре года назад, в 1894 году, при журнале «Ребус» был образован наш кружок, который тогда же получил официальное утверждение своего устава Министерством внутренних дел. Можете проверить... Мы не тайное общество, а кружок расширения научных знаний. Собраний не проводим, только сеансы...

— Допустим, что ничем недозволенным не занимаетесь. А что тут происходило?

Погорельский изобразил руками бурный фейерверк.

— Феноменально! Да поясните же приставу, как проводят сеанс! Он же, чего доброго, нас в участок потащит! Охота вам ночь за решеткой сидеть?

Такая мысль в самом деле мелькнула у Вильчевского. Возглас доктора умерил праведный порыв.

— Раз это так важно... — Прибытков еще не мог решиться. — Мы садимся за столом, который перед вами, господин пристав. Дамы чередуются с мужчинами. Во главе стола медиум...

— Какой медиум? Откуда взялся?

По детским книжкам пристав помнил, что факиры и медиумы водятся в Индии. Заговаривают змей, играют на дудочках, залезают к облакам по веревке, а сами ходят исключительно в набедренной повязке и чалме. В таком виде медиум успел бы прогуляться в Петербурге до первого городского. А не то что войти в «Версаль».

— Медиум тот, кто ведет сеанс, — терпеливо пояснил Прибытков. — Для этого ему нужно впасть в транс...

— Опыянение?

— Нет, особое бессознательное состояние. Как сон...

— Кто играл в медиума?

Прибытков обменялся с доктором взглядом, прощавшим безнадежную тупость полиции.

— Играть невозможно, медиумом надо быть, это дар свыше. Или проклятие, как вам будет угодно, — ответил он. — Сегодня трудную и почетную миссию взял на себя наш уважаемый Иона Денисович...

Господин Иртемьев, вдовец, окруженный заботой, не проявлял интереса к общению с полицией. Хотя пристав поглядывал на него выразительно. Видимо, общество трех дам и вдобавок трех мужчин, утешавших его, было предпочтительней.

— Значит, медиум, — повторил Вильчевский. — Что же дальше?

— Проведение сеансов требует тишины и темноты, — продолжил Прибытков.

— Зачем?

— Чтобы манифестации были сильнее...

Страшное слово, за которым маячили красные флаги, толпа демонстрантов, призывы к свержению царизма и прочие радости. Тяжкая головная боль полиции.

— Что еще за манифестацию устроили? — строгим тоном спросил пристав. И мог спросить еще строже.

— Господин пристав, манифестация в спиритическом сеансе — самопроисходящие явления! — чуть не выкрикнул Погорельский. — А вас, Виктор Иванович, прошу использовать более простые слова...

Вильчевский ощутил, как у него на лбу вспыхнула надпись «глупец». Во всяком случае, видимая этим господам.

— Проявление различных необъяснимых эффектов, — пояснил Прибытков.

— Каких именно?

— Различных... Звуковых, световых, тактильных, иногда вплоть до частичной или полной материализации...

Капитан первого ранга в отставке нес всю эту чушь с глубокой убежденностью. Вот до чего гражданская жизнь офицера может довести.

— Окна закрывали? — спросил пристав, жалея спятившего бедолагу.

— Непременно... Шум улицы — существенная помеха...

— Что же дальше, господин капитан первого ранга?

— Начался сеанс... В темноте, разумеется...

— В полной темноте?

— Почти... Свеча горела на столе.

— Свеча горела? Для какой надобности?

— Чтобы видеть, на какую букву алфавита указываю... силы, — ответил Прибытков, старательно сдерживая раздражение. — Таким образом на сеансе происходит общение с... непознанным.

— А потом?